
Анатолий

ТОС

Попытки
любви в быту
и на природе

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ
СЕРИЯ

Женщины, мужчины и снова женщины

Анатолий Тосс

**Попытки любви в
быту и на природе**

«Анатолий Тосс»

2007

Тосс А.

Попытки любви в быту и на природе / А. Тосс — «Анатолий Тосс», 2007 — (Женщины, мужчины и снова женщины)

Как известно, половое воздержание очень вредно для здоровья. А тут выясняется, что твой близкий друг наносит своему организму постоянный ущерб. И все оттого, что его девушка абсолютно неправильно себя ведет. Как помочь другу? Особенно, если он неадекватен, если зовут его Инфант, и убедить девушку ему самому не под силу. И вот герои легкомысленной серии Анатолия Тосса – мастер любовной раскрутки и нестандартного съема А. М. Розовский, теоретик и идеолог изощренного секса Илья Белобородов и их искрометная подруга Евгения – разрабатывают хитроумную полевую операцию, в результате которой ни одна девушка не сможет ни в чем отказать.

Содержание

Глава 1. ЗА ТРОЕ СУТОК И ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ	5
Глава 2. ЗА ТРОЕ СУТОК И ДВА ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ	12
Глава 3. ЗА ТРОЕ СУТОК ДО КУЛЬМИНАЦИИ	19
Глава 4. ЗА ДВОЕ СУТОК И ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анатолий Тосс

Попытки любви в быту и на природе

Глава 1. ЗА ТРОЕ СУТОК И ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ

– А знаете ли вы... – Илья БелоБородов обвел нас – меня и Инфанта – выжидающим взглядом. – Так вот, знаете ли, что если женщина вошла в сексуальное отношение с партнером, но так, что ни партнер, ни это отношение ей не понравились... – Он выдержал театральную паузу. – То она считает, что их обоих, ни партнера, ни отношений, в ее жизни не было. Вообще ничего не было.

– Чего? – не понял я.

– Конечно, знаю, – в противовес мне возразил Инфант.

Он выглядел грустным сегодня и еще мрачным. Впрочем, грустным и мрачным он выглядел в последнее время почти всегда. За это мы его и жалели любя. Хотя и не только за это. Его было за что пожалеть.

– Конечно, – повторил Инфант. – Кто ж не знает? Известный всем факт, – и он погрузнел еще заметнее. Недаром ведь где-то написано было про Инфанта, что знание почти всегда рождает в нем печаль.

– А я не знал, – признался я. – Я вообще не до конца понял, чего ты тут сказал. Потому что ты слишком замысловатый для меня, слишком вычурный. Кто такие «сексуальные отношения», как «войти» в них, как «выйти»? Да вот еще слово «партнер» откуда-то возникло. Как будто мы в теннис собрались играть. Давай проще, стариканчик, не учебник ведь составляешь, не на кафедре заседаешь. Надо ближе к массам, Б.Б., ко мне, в смысле. Доходчивее надо.

– Могу и доходчивее, – согласился Илюха и тут же предупредил: – Ты только сосредоточься, Розик, напряги себя, попробуй не упустить со второй попытки.

Он снова выдержал паузу, я сосредоточился и выдержал ее тоже. Даже Инфант выдержал.

– Короче. Если женщина с кем-то потрахалась и ей не понравилось, то она считает, что она ни с кем не трахалась. В смысле, что вообще факта такого не происходило. И человека, который ей все это устроил, она тоже не особенно помнит. Может, он и встречался где-то, а может, и нет.

– Невероятно! – не поверил я своим ушам. – Откуда ты знаешь, Б.Б.?

– Интересовался, – подтвердил Илюха. – Людей разных расспрашивал. Такой, знаешь, научный статистический опрос проводил.

– Как такое может происходить? – недоумевал я. – Ведь если было, то как ни крути, все равно – было!

– Может, запросто может, – печально пошевелил губами Инфант. Но мы на его губы не смотрели.

– Это для тебя, Розик, происшедшее в прошлом навсегда незыблемым становится. Потому ты и к жизни плохо приспособленный. И ошибки свои прежние и недочеты так за собой и волочешь, надрываясь от тяжести, – обращаясь ко мне, пустился в трезвые рассуждения Илюха. Так как, когда в его организме алкогольная концентрация разжижалась, его тянуло трезво порассуждать. – А вот для тех, кто устроен оптимальнее тебя, для женщин,

иными словами, для них если не понравилось, то и не было вовсе. То есть ни ошибок, ни недочетов. И волочить нечего, и надрываться не надо. И память от прошлого только отличная остается. Прозрачная, никакой накипью не замутненная.

– Нет, не верю я тебе. – Я даже покачал головой. – Ты сам все это придумал, прямо сейчас, здесь, с ходу. Нет у тебя никакой статистики, сфабриковал ты ее. Потому что не бывает такого! Забыть неприятное человек, конечно, может постараться, более того, его даже тянет забыть. Но вот вычеркнуть полностью, считать, что самого факта такого не существовало, – такого нормальный человек не умеет. Йог какой-нибудь, может, и умеет, а вот нормальный человек – нет.

– Как с ним можно серьезные вопросы обсуждать! – посетовал на меня Инфант, но снова мрачновато. Впрочем, никто на него не отвлекался, ну что с него, с мрачного Инфанта, возьмешь, кроме тяжелых вздохов и потухшего взора.

– Послушай, к чему нам впустую аргументами перебрасываться, – предложил мне Илюха. – Возьми поставь эксперимент. Поговори с людьми, порасспрашивай их, но только тех, кто искренен с тобой готов быть. И лукавить не будет. А лучше всего тех, у кого ты не самые удачные воспоминания о себе оставил. Ведь наверняка не всем женщинам ты безоговорочно подошел, ведь должны найтись и такие, которым ты не пришелся. Вот и позвони им и спроси, помнят ли они еще, что между вами когда-то происходило? Да и самого тебя помнят ли? Вот и проверишь мою несложную мысль.

– Правильно, – согласился я. – Это вообще полезно – периодически наведываться по старым адресам и телефонам. Для профилактики полезно. Так сказать, инспектировать тылы. Все ли в достатке, накормлены ли, обуты, одеты ли в теплое? Потому что если внезапно возникает необходимость в прицельных точечных ударах с последующими зачистками, то ухоженный, ладный, хорошо оснащенный тыл с лихвой компенсирует все прежние наши затраты.

– Кто такая «лихва»? – печально вмешался с вопросом Инфант, но мы ему с Илюхой не ответили, мы только переглянулись понимающе. Потому как он чудил так невесело, наш Инфант.

Итак, мы сидели в Инфантовой комнате на какой-то Тверской-Ямской, втроем сидели – я, Илюха Белобородов (которого мы для краткости фамилии порой звали Б. Бородов, а порой и просто Б.Б.) и Инфант. И для тех, кто Илюху с Инфантом в жизни не встречал и других книжек про них еще не читал, я сейчас быстренько их опишу. Буквально в несколько абзацев.

Например, Илюша, которому некоторые молодые женщины вставляли для мягкости мягкий знак в его и так нетвердое имя, так что получалось совсем ласково «Ильюша»... Так он вообще воспринимал жизнь как пчелка, принаравливающаяся присесть на горячий от жаркого летнего солнца цветок.

Все у нее так и ходит, так и движется от пьянящей близости нектара. Вот она зависла над бутоном, крылышки едва подрагивают от возбуждения, усики колышутся в нетерпении, многочисленные ножки мелко перебирают воздух, готовясь ощутить под собой нежную поверхность лепестков. Даже попка ходит в близком предвкушении.

Вот так же остро чувствовал жизнь и Илюха. Особенно если она пахла неизбежным нектаром, особенно если он готовился на нее присесть, особенно когда выпивал бокальчик-другой красного французского вина. Тогда глаза его начинали лучиться неестественным, почти наэлектризованным светом, голос вибрировал подмывающим весельем, а заковыристые мысли бодренько выскакивали из головы и далеко забегали вперед, обгоняя всех остальных.

Или если искать другое образное литературное сравнение, то скажем, что Илюха всегда находился на посту. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, как сейчас гово-

рят. Совсем как недремлющий дракон из народной сказки, охраняющий принцессу. Только Илюха никаких принцесс не охранял, скорее наоборот.

Вот помните революционный фильм про Чапаева? Там все так печально закончилось лишь оттого, что заснули часовые, сторожившие рабоче-крестьянский штаб. А белые их оплошностью воспользовались и одной темной ночью коварно ухитрились спугнуть легендарного комдива в одних кальсонах в холодную речку. Которую ему, увы, переплыть не удалось.

А все потому, что не было среди чапаевских орлов БелоБородова. Хотя и Илюху тоже бы, наверное, сморило от однообразия военных будней. И он тоже, укрывшись легкой шинелькой, прикорнул бы на сыроватой земле, плотно прижавшись для согрева к другим вооруженным рабочим и крестьянам. Но в отличие от рабочих и крестьян, он все равно оказался бы вовремя на посту и без заминки дал отпор подло крадущимся белякам – выстрелил бы чем придется или еще как-нибудь просигналил.

Я так и вижу его лежащим вповалку с остальным революционным дозором – темно, не видно ни зги, лишь мутный свет луны отражается на примкнутых к винтовкам штыках да легкий храп низко стелется по земле. И Илюха с самого края. Спит-то он спит, но я знаю, зрачок отслеживает местность, ноздри чувствуют воздух, ухо лакирует источник звука, и даже короткий ус подергивается, напоминая о хрупкости боевой обстановки.

И спасся бы Чапаев, и не оказалось бы в результате черно-белой киноклассики, и анекдотов в отечественном фольклоре поредело бы до обиды. Так что как ни крути, прав был Иосиф Виссарионович, говоря, что кадры решают все. В конце концов, кому, как не ему, было знать про кадры, которые он, кстати, сам и «решал» время от времени.

Илюха, впрочем, не только мог надежно спать на посту. Он мог, например, пылко любить на нем женщину, или, наоборот, неумеренно потреблять французское красное правильного года разлива. Но все равно пост, какой бы он в данный момент ни был, не бросал и бдительность демонстрировал постоянно – так и сверлил окружающую жизнь своими живыми, не теряющими неестественного голубоватого блеска глазками. И при этом с поста и мне, и Инфанту сигнализировал, как мог.

Про Инфанта тоже надо бы объяснить подробно. Но я сейчас ради динамичности сюжета в него внедряться особенно не буду. К тому же сколько в него ни внедряйся, пусть даже с разных сторон, а все равно как следует не внедришься.

Потому что Инфант не только в чем-то был похож на страну Россию, которую, как известно, «умом не понять», но и вообще напоминал целую Вселенную. В том смысле, что чем глубже в нее заберешься, тем больше бесконечности вокруг тебя остается. Хотя если все же про Россию и про Вселенную подробнее, то Инфант напоминал их только с точки зрения своей непознаваемости. Во всем остальном – и внешне и по характеру – он сильно от них отличался.

Я про него и в предыдущих книжках пояснял, и в последующих не раз буду. То есть вместо того чтобы писать отдельную монографию по Инфанту и издавать ее небольшим тиражом, предназначенным только для узких специалистов, я вставляю отдельные главы по изучению Инфанта в длинный перечень книг и предназначаю их для массового читателя. В конце концов, про Инфанта многим может быть познавательно. А для кого-то и полезно. Глядишь, иной читатель и в себе лучше начнет разбираться.

Сейчас же для краткости я только скажу, что на первый взгляд Инфант казался человеком непонятным. А на второй взгляд – еще более непонятным. Хотя некоторыми, опять же молодыми женщинами, особенно теми, кто был хорошо гуманитарно образован, Инфант именно за свою непонятность становился порой неповторимо любим. Некоторыми, но немногими. И если и оказывался порой, то порой – редкой и трудной.

Так вот мы сидели, и я все думал: кому же позвонить, чтобы проверить правильность Илюхиной теории? Ну, о том, что женская память избирательна. И избирает только того, кого ей нужно. А кого не нужно – того исключает.

Я долго перебирал имена, телефоны, сомневался, а потом понял – надо позвонить Жеке.

– Зачем Жеке? Что она о нас нового может сказать? Мы уже давно ею изучены вдоль и поперек, особенно ты, – удивился Илюха, развалясь на кресле, на котором и сидел.

– Ну, во-первых, – возразил я, – потому что Жека самая что ни есть женщина. Эталонный образец, мерило, единица измерений. Выше ее по женской линии мало кому удастся забраться. И почему бы нам не обратиться за мнением посредственно по адресу? К самому, так сказать, первоисточнику? Пусть выскажет мнение: разделяет ли она твою мысль или нет? К тому же Жека не только в жизнь пронизательно вглядывается, но она вилять и лицемерить не станет, не в ее характере. Скажет все, как есть.

Тут я сначала выдержал паузу, а потом добавил еще один аргумент:

– А тот факт, что мы когда-то находились с ней в определенных двусмысленных отношениях... Ну что ж с того? Главное, что они со временем переросли в крепкое взаимное товарищество, даже больше – в дружбу. Ведь когда одно перерастает в другое, когда все тесно внутри переплетается, тогда корни самые крепкими получаются. Так что для объективности опроса это даже хорошо, что мы с ней теперь в неразлучных платонических ладах. С кем, как не с нами, ей откровенной быть?

– Кто такие «лады»? – попробовал было снова вставить Инфант, но я уже звонил, и она уже на звонок ответила.

– Привет, Жек, – сказал я, переводя телефон в режим «громкой связи», чтобы всем в комнате было слышно, не только мне.

– А, приветик, – узнала она меня буднично и тут же отвлеклась куда-то в сторону от трубки.

– Ты чего, занята? – деликатно поинтересовался я.

– А?... – спросила она уклончиво, из чего я догадался, что занята. Такое ощущение создавалось, что кто-то рядом с ней находится, кто-то из тех, кому мой мужской голос слышать было совсем не обязательно.

– Слушай, Жек, мы тут с Илюхой у Инфанта...

– Ну это понятно, – вставила она, но я не обратил на ее реплику никакого внимания.

– ... И вот какой вопрос возник. Было высказано мнение, что женщина, если ей любовный процесс не понравился, считает, что никакого процесса не было и в помине. И человека, который ее в процесс вовлек, не было тоже. Что вообще ничего ни с кем не было. Вот мы у тебя как у первоисточника и хотим узнать: правильное это утверждение или нет?

– Постой, постой... – тормознула меня заинтересовавшаяся Жека. – Дай подумать. Если, говоришь, мне не понравилось, то и не было ничего, значит... Здорово получается. И просто-то как. И как жизнь облегчает...

Раздалась пауза, я ее не перебивал.

– Это вы там у Инфанта такое придумали? – вдруг вставила в наш диалог посторонний вопрос Жека.

– Ну да, – пожал я плечами, хотя она этого и не увидела.

– Нескучно вам жить, как я погляжу, если вас чистая теория так глубоко по вечерам донимает, – раздалось из громкой телефонной связи. – Тут вот с практикой никак не разберешься, бьешься над ней, бьешься, окаянной, а все без толку. На теорию просто ни времени, ни сил не хватает. Ну подожди, дай сосредоточиться, а то тут отвлекают все...

И видимо, она зажала трубку ладошкой, но мы все равно услышали.

– Да постой ты, – шептала кому-то Жека в сторону. – Не напирай так. И не тыкайся. Прекрати немедленно тыкаться! Посиди одну минуту спокойно.

Тут мы все в комнате переглянулись между собой, но так ничего и не сказали, не посоветовали. Да и что тут посоветуешь, когда в живого человека тыкаются почем зря, к тому же во время ответственного телефонного разговора.

– Знаете что, – наконец освободилась Жека. – Я вообще всех своих прежних сейчас как-то с трудом помню. Даже тех, с кем вроде и неплохо было. А все потому, что полоса у меня неудачная, что-то не везет мне на нормальных ребят уже давно. Все одни придурки попадают. Вот и подзабыла я, как оно по-настоящему бывает.

Тут она снова прикрыла ладошкой трубку, но мы снова через ладошку разобрали:

– Да говорю тебе, не налегай так. Не видишь, что я по телефону говорю. – А потом снова нам в телефон: – Ну что, еще вопросы имеются? А то мне некогда особенно.

Но Жеке пришлось потерпеть со своим «некогда». Потому что вопросы у меня имелись – важные, принципиальные вопросы.

– Подожди, – попробовал я зайти с другой стороны. – Вот, например, если взять меня. Ты меня помнишь?

– Чего? – ответила Жека изумленно. – А зачем бы я тогда с тобой разговаривала, если бы не помнила?

– Нет, не просто сегодняшнего телефонного «меня», – начал пояснять я. – А «меня» из твоего прошлого, когда ты щедро делила со мной часть себя. А я с тобой – часть себя. И равнозначный обмен получался, потому что делились мы, заметь, лучшими своими частями, не припрятывая их, не экономя ни на чем, не припасая ничего для других. Так вот ты про это отчетливо помнишь или позабыла?

Комнату снова заполнила пауза. Длинная, тягучая, обидная пауза из безразличной «громкой связи». Откуда она взялась, с чем была связана? – я не знал. А что, если вдруг Илюха оказался прав и Жека ничего не помнит о нашем взаимном прошлом? Я даже ступешивался от такой неловкой мысли.

– Ну, мы с тобой любовью занимались, и не раз притом. Помнишь? – повторил я настойчиво. – И тебе нравилось вроде бы. Во всяком случае, ты так тогда говорила.

– Ой, ой, ой, нашел чем хвастаться, – наконец разнеслось из трубки. – Как будто он один такой...

У меня прямо отлегло тут же. Я сжал и потрянул кулаком в скупом победном жесте, и выдохнул облегченно в комнату: «Помнит!»

А тут Жека еще раз зажала трубку. Но непроницаемо плотно у нее опять не получилось, и к нам в комнату сквозь ее ладошку снова просочились заглушенные звуки:

– Да что же это такое? Что же за напасть такая? – говорила она сердито в сторону. – Ты можешь не напирать так и не тыкаться, а посидеть спокойно? Господи, что ж мне так не везет?!

А потом снова нам, без ладошки, уже в «громкую связь»:

– А вообще-то жалко, что вы без меня до такого додумались. Жалко, что я сейчас не с вами у Инфанта. Ну что поделаешь, – вздохнула она, – каждому свое, кто-то ведь должен отрабатывать по полной, когда у остальных смена закончилась. Ладно, я вам перезвоню. У меня такое ощущение, что совсем скоро уже.

– Ты, главное, хвостик свой оберегай, – стал напутствовать я трудоголичку Жеку. – Он ведь, насколько я помню, когда ему не в кайф, поджимается, бедненький. Он ведь, когда не уверен... – начал было я, но она уже повесила трубку.

– Б.Б., – сказал я Б. Бородову, – не оправдался ты вместе с твоей теорией. Народ тебя вчистую опровергает, вон, Жека меня запросто вспомнила.

– Да это потому что ты неправильно опрос общественного мнения проводишь, – заспорил Илюха. – Мы ведь договаривались только тем звонить, кому ты не вмастил своим умением. Ну, тем, с которыми сильная рассогласованность произошла. А то нашел кому звонить – Жеке. И вообще, старикашка, не надо тебе эксперименты проводить, потому что на деле ты хреновый экспериментатор получаешься. Субъективный слишком. Пускай вон другие тебя заменят, – и Илюха кивнул на Инфанта. – Ну-ка, Инфантище, подмени товарища у станкового пулемета. Позвони кому-нибудь, но только тому, кто не вспоминает тебя добрым словом. Кому ты в утренних, сладких, эротических снах совершенно не приходишь.

И Инфант взял трубку и тяжело задумался. Наверняка ему было из кого выбирать, вот он и перебирал кандидатуры по памяти. А перебрав, стал набирать номер громкой телефонной связи.

По номеру долго не подходили, но Инфант терпеливо ждал и дождался результата. А дождавшись, начал разговор. Но те, которые слышали Инфанта, знают, что разговор он ведет туманно. А порой – густо туманно, непроницаемо туманно, как будто ты ранним утром в низине, трава по пояс и река неподалеку.

– Ну что... – проговорил он в телефон, когда линия соединилась, а потом тяжело вздохнул. Туда же, в телефон.

– Кто это? – поинтересовался женский голос в трубке, который нам с Илюхой ничего совершенно не напоминал. Вообще никаких ассоциаций. Голос был спешащий, видимо, мы его тоже от чего-то оторвали. Неужели все девушки по вечерам так озабоченно заняты? Или мы звонили только таким?

– Это я, – отозвался Инфант, но слабо отозвался, как бы не веря в удачу.

– Кто «я»? – не поняла женщина в телефоне. Видимо, ей было не до шарад с ребусами, она, очевидно, опаздывала куда-то по важным неотложным делам.

– Ну я, – уклончиво настаивал Инфант, и теперь женщина задумалась, вспоминая, по-видимому.

– Ой, Петь, это ты? – вспомнила, наконец, она, и голос у нее заметно потеплел. – Ты чего так долго не звонил, куда запропастился? – И голос потеплел еще заметнее. – А я уж волноваться стала, думаю, может, с ним чего стряслось, может, не понравилось чего? Может, он меня презирал? Потому что я вообще-то, Петь, совсем другая, ты не обобщай по первому-то разу. Я обычно ничего такого себе не позволяю, особенно поначалу. Я просто, Петь, как-то так сразу к тебе почувствовала, знаешь, там, внутри, как почти никогда раньше не бывало. Потому что, Петь...

Она стрекотала, а я слушал и думал: надо же, неужели Инфанта можно с кем-то перепутать? Ну у кого еще может быть такой грустный, печально дребезжащий голос? Как будто в привозном мюзикле его наняли исполнять уже приевшуюся арию «оперного фантома», но только без слов. Ну действительно, неужели где-то по городу бродит некий Петя, который звучит так же причудливо, как наш Инфант? Или это «громкая телефонная связь» так безжалостно искажает?

– ...Ну так что, Петь, может, заедешь все же? А? Хочешь, хоть сегодня, ведь совсем не поздно еще. А то я просто извелась вся здесь одна. Так как, Петь? Садись на свои «Жигули», ты же у меня лихой, и всего через полчаса... – Тут она звучно сглотнула накопившееся в горле. Может, дыхание, а может, волнение. – А я уж постараюсь... уж не как в прошлый раз... я уж...

Но тут у Инфанта что-то не выдержало в организме, и он, несмотря на наши умоляющие взгляды, прервал поучительный женский монолог. А зря, ведь он был красноречив, он был о любовной тяге, о желании, о страсти да и о плотности жизни в целом! Просто целая серия зарисовок у нас перед глазами замелькала.

Но и Инфанта можно было понять: ведь не о тяге к нему произносился этот монолог. И не о страсти к нему. И не о плотности его жизни. Да и звали его не Петя, а совсем наоборот – Инфант. И вообще, он в жизни и так нередко страдал от женской неразделенности, а здесь его к тому же откровенно мордой и прямо... в Петю.

– Нет, – честно, хотя и напрасно, сознался Инфант, – это не Петя. Это я, Инфант.

И он снова тяжело вздохнул.

– Кто? – переспросил голос, который сначала показался сильно ошарашенным, а потом тут же снова зашепел, не предвещая ни продолжительного, ни доброжелательного разговора.

– Инфант... – подтвердил Инфант уже совершенно обреченно.

Я взглянул на него, склонившегося над трубкой. Может, зря, подумал я, может, ни к чему этот звонок. Потому как для меня душевное благополучие моего Инфанта было куда как важнее, чем любая белобородовская теория. Потому что Инфант – не какой-нибудь Джордано Бруно, в конце концов, и не должен он гореть на огне женской инквизиции ради научных теорий. Пусть даже самых смелых и отчаянных.

Я уж хотел прекратить Инфантовы истязания, но не успел.

– Кто-кто? – не разобрался женский голос в трубке.

– Му-у-у... – не выдержав пытки, промычал в трубку Инфант. Во-первых, потому, что не знал, как по-другому о себе напомнить, а во-вторых, потому что он вообще так обычно чудил, наш Инфантик.

– Ах, так это ты... – сразу догадалась Инфантова абонентша. – Тебе чего, а то у меня рыба на сковородке подгорает. – Потом она еще задумалась, но совсем коротко. – И вообще, знаешь, – сообщила она голосом, который просто на глазах набирал силу и уверенность, – не звони мне больше, у меня и без тебя дел по горло.

– Никогда? – попытался уточнить педантичный Инфант, но не успел. Так как ответом ему раздался сначала щелчок брошенной трубки, а потом почти сразу короткие, безразличные, совсем не похожие на женский голос гудки.

Мы все замолчали, а Инфант особенно интенсивно. Чего-то, похоже, ничего у него не выходило сегодня.

– Бывает, – утешил я Инфанта. – К тому же рыба на сковородке... Серьезная вещь, куда нам против рыбы.

– Да... – покачал сочувственно головой Илюха, – не получается опрос общественного мнения. Не хочет общество опроса. Ни твоего, Розанчик, не хочет, ни твоего, Инфантище. И мы помолчали снова.

Глава 2. ЗА ТРОЕ СУТОК И ДВА ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ

– Б.Б., – сказал я принципиально после паузы, – получается, что твою теорию невозможно доказать на практике. А значит, она не практичная.

– Что не означает, что не верная, – не согласился Илюха. – Вот, например, теорию «эволюционного происхождения видов» Чарльза Дарвина тоже на практике нельзя доказать, и тем не менее большинство научной общественности в нее свято верит. И не терпит никаких других теорий. А теорию относительности, ее вообще...

– Так она же формулами подтверждена математическими, – возразил я. – А у тебя и формул даже нет. Ты покажи нам формулу, может, мы и согласимся тогда.

А Инфант все молчал и молчал, а ведь мог бы и высказаться. Хотя бы потому, что теорию относительности он понимал значительно лучше нас с Илюхой. Не только на многочисленных примерах повседневной жизни он ее изучил, но еще и саму математическую модель крепко освоил. Потому что у него был глубоко и обширно развитый внутренний математический аппарат, у этого самого Инфанта. Он вообще через него жизнь свою отмерял – отсюда все его недоразумения и закавыки.

– Формулы ему не хватает, – возмущался тем временем Илюха. – Формалист ты, стариканер, а еще зануда. Ладно, дайте мне. Дайте я к эксперименту подключусь. Сейчас я прямо на ваших глазах объективность в ладошках принесу.

И он переместил Инфанта с дивана ко мне, а сам примостился поближе у телефона. Хотя Инфант перемещался шатко, неуверенно и натужно.

– Так... кому бы позвонить? Так, чтобы наверняка. Кому-нибудь, кого я сильно разочаровал, кто меня уж точно не вспомнит. – И Илюха зашевелил губами, припоминая.

Он припоминал долго, и мы ему не мешали и не пытались читать его губ.

– Точно, позвоню одной девушке, – наконец припомнил он. – Давно хотел, хорошая девушка была. Жаль, что я совершенно ей не потрафил.

– Кто такая? – попытался уточнить я.

– Ты не знаешь, – отрезал Илюха, хотя такого быть просто не могло. Не мог я не знать про его девушек. Потому как он никогда не утаивал их от меня. Впрочем, я не стал допытываться.

Нельзя сказать, что и эта девушка оказалась особенно ласковой, заслышав напористый призыв из телефона. Но так чтобы особенно неласкова она тоже не оказалась.

– Аня... – позвал Илюха, а потом снова: – Ань...

И я понял, что девушку звали Аней. А вот что понял Инфант, мне было не догадаться.

– Да, – ответила Аня. – А кто это?

Но у Илюхи был намечен свой собственный план диалога, и он начал его раскручивать, не поддавшись на Анин прямолинейный вопрос.

– Помнишь, Ань, нашу единственную ночь? Знаешь, она стала самой важной ночью в моей жизни. Самой незабываемой. Чем больше проходит времени, тем больше я думаю о ней. Ну и о тебе, конечно. Как будто все лишь вчера произошло: волосы твои вьющиеся, струящиеся вдоль шеи, как я вплетаю в них свои пальцы и процеживаю между ними каждую отдельную прядь. А еще твой запах, запах пьяной вишни. Помнишь, тогда вообще чувство повального опьянения пронизало ночь: голова кружилась, руки дрожали, да и все вокруг нереальным казалось. Абсолютно нереальным! Как будто ты на тонущем теплоходе и не можешь понять: с тобой ли все это происходит, твое ли тело окутывается темной, холодной водой, твой ли рот заливают тяжелая влага, твои ли легкие сдавливают безжалостная глубина?

Реально ли все, не грезится ли тебе и неужели ты больше никогда не всплывешь? Да и как вообще такое может происходить? Да и происходит ли?

Здесь Илюха задержался на паузе, но недолгой, чтобы Аня не успела ее заполнить.

– Так и у нас, Ань, было в ту божественную ночь. Только не потонули мы все же, а всплыли в результате, да и теплохода рядом не оказалось. Уплыл без нас теплоход. А вот голова действительно кружилась, особенно от выпитого, особенно у тебя, Ань. Ты сама помнишь, про голову?

Ну что сказать, вступление выглядело вполне романтичным, особенно про тонуций теплоход. В теплоходе Илюхе отказать было нельзя. Да ему, похоже, никто и не отказывал. Никто, кроме Ани. Потому что, по-видимому, Аня мало что поняла.

– Простите, – поинтересовалась она несколько настороженно, – а вы, собственно, кто?

– Да это я, Илюша, – признался Илюха. – Помнишь, мы с тобой на ноябрьские познакомились. Там, конечно, много народу было, на той тусовке, но я такой, который пил с тобой много.

– Илья? – спросила Аня, и в ее голосе слышалось напряжение, она пыталась припомнить, но не могла сразу. И все же припомнила: – Невысокий такой...

– Почему невысокий? Нормальный, – не согласился Илюха.

– Глаза у тебя такие странные, сумасшедшие, да еще фамилия какая-то причудливая. И еще ты говоришь все время. Смешно так и непривычно, по-особенному.

– Точно, – узнал себя Илюха, – точно попала. Тебе бы, Ань, фотороботы составлять.

Аня засмеялась, и смех у нее оказался журчащий, почти что прозрачный.

– Смотри, вспомнила все же, – прошептал я Инфанту, и не исключено, что тот кивнул мне в ответ.

– Только я про ночь не совсем поняла, – призналась девушка на противоположном конце. – Чего было ночью-то? Да и вообще, чего ты вдруг объявился через полгода?

– Да, знаешь, я думал о тебе все это время. Боялся позвонить. После всего того, что было между нами в ту сказочную ночь, после всех тех слов, которые ты мне говорила, я все это время как ошалевший ходил. Лишь недавно отошел немного.

– А чего было? В какую ночь? – снова спросила Аня, и в голосе ее послышалась искренность. Видимо, она действительно ничего про ночь не знала. Или не могла вспомнить?

– Ну как же? – не менее искренне удивился Илюха. – Когда мы вдвоем с тобой одни в квартире остались. Помнишь, за окном шел медленный снег, он нес с собой спокойствие и умиротворенность. Знаешь, как будто все так и должно быть, все правильно и ничего не надо менять. Вообще ничего! Будто так было всегда и будет всегда. Будто вместе с этим ровным, плавным снегом мы с тобой приблизились к самой вечности. Неспешные снежинки блестели в свете фонарей, в комнате было темно, лишь отсветы падали на простыню, и ты прижималась ко мне и говорила, что я – самое чистое и лучшее чувство, которое когда-либо заполняло тебя. А потом шептала: «Илюша, Илюшенька», – и снова прижималась.

Тут из громкой связи послышался легкий девичий вздох. Но Илюху он не отвлек.

– Правда, ты, Ань, сильно пьяная тогда была, не хуже вишни. Да и воду горячую тогда, как назло, отключили. Потому мы на плите кастрюлю и нагревали. Помнишь?...

Илюха помолчал. Девушка слушала, а потом молчала вместе с ним.

– Да? Я так говорила? – наконец отозвалась она доверчивым вопросом.

В ее интонациях что-то постоянно изменялось, и я понял: они все заметнее и заметнее округлялись плавностью.

А Илюха, прикрывая дырочку громкой связи ладонью, проговорил нам шепотом в доказательство своей теории:

– Вот видите, ничего не помнит. Не понравилось ей тогда сильно, вот и позабыла все. Словно амнезия у нее.

А потом снова в трубку:

– Ты много чего тогда говорила нежного. Про любовь говорила, и еще что тебе хорошо очень, как никогда не было прежде. Что такого ты еще не испытывала никогда. А потом опять про любовь, и слова «навсегда» и «единственный» мелькали в слившемся сочетании.

– Странно, – задумчиво произнесла Аня, – ничего не помню. Я вообще обычно такое не говорю никому. Странно. Ты говоришь, я пьяная была?

– Да, – подтвердил Илюха, – сильно. Я бы сказал, сверх меры. Это я для тебя воду в кастрюле грел, мне-то зачем? Но именно опьянение и придало тебе небывалую чувственность, и еще, я бы сказал, эмоциональный накал небывалой остроты, который я никогда ни в ком не встречал. Только у тебя, у одной.

– Говоришь, ни в ком не встречал, – задумчиво повторила Аня.

Но Илюха не ответил ей, его просто-напросто несло по пыльной дороге ярких воспоминаний.

– А главное, хоть ты, Ань, и не трезва была чересчур, но губы твои пахли, знаешь, как пахнет пьяная малина в густой лесной чаще, а волосы отдавали весенним, утренним ландышем.

Там, знаешь, на кухне мыло такое было, ландышевое. Вообще-то оно для посуды предназначается, но на бутылке написано было, что оно все бактерии активно убивает... Вот я им губку и намыливал и тебя начисто оттирал. Ну, когда вода в кастрюльке нагревалась достаточно.

Мы с Инфантом лишь переглянулись, особенно на губку, а еще на «пьяную малину». Но садовод Белобородов заливался зябликом и не обращал на нас из своего сада ни малейшего внимания.

– И ты так доверчиво прижималась ко мне, и такие доверчивые слова произносила. Как такое забудешь!

– Да... – неуверенно прозвучала на том конце Аня. – И что у нас было?

– Да все было, Ань! Абсолютно все! Несколько раз подряд, до самого утра! Ты даже заплакала перед рассветом от радости.

– Да, да, – призналась девушка, – начинаю вспоминать, кажется. Особенно слезы. А еще губку и горячую воду.

Тут Илюха вслед за ней тоже вспомнил, но на сей раз – про нас. А еще про свою теорию и снова прикрыл громкую связь ладонью.

– Видите, ничего не помнит, совсем у нее память отбило. Потому что не понравилось ей тогда шибко, вот и позабыла. Это я выдумываю все про то, что ей тогда понравилось. Обманываю, иными словами. На самом деле она от горечи плакала. Что плохо ей со мной, что зря пошла на такое. Вот и позабыла все.

И тут до меня наконец дошло, только сейчас дошло, и я начал хохотать. Но тихо так, почти про себя, чтобы не потревожить Аню и ее пробуждающиеся воспоминания.

– Ну конечно, Ань, как такое забыть, – вернулся Илюха к дырочке для громкой связи. – Раз в жизни такое. Ты тогда так и сказала, мол, первый раз так сильно получилось. Остро и сильно. Да и я, знаешь, потом две недели не мылся, чтобы запах твоего тела на своем удержать. До сих его помню. Особенно волосы, в которые будто ландыши вплетены, да губы твои, с запахом пьяной земляники.

– Вишни, – попытался вмешаться я с дивана.

– Малины, – просуфлировал оттуда же тихонько Инфант.

Но Илюха лишь махнул рукой: один, мол, хрен – вишня, малина, земляника – ягода она и есть ягода. К тому же если лесная.

– Слушай, Ань, – продолжал Илюха. – Может, возобновим как-нибудь? В смысле, повторим. Знаю, в одну и ту же воду сложно, конечно, дважды войти...

– Ты что, и воду из кастрюльки сохранил? Она что, тоже мною сильно пахла? – по-своему поняла про воду Аня.

– Конечно, пахла. И тоже пьяным запахом, только не каким-то одним ягодным, а целым разнообразным букетом, – согласился Илюха. – Ну так что, повторим неповторимое? Попробуем? Рискнем? Ведь нам было невозможно хорошо в ту ночь. Особенно тебе!

– Да, – согласилась Аня все еще в раздумье, но теперь в романтическом раздумье, в предвкушающем. – Если все было так, как ты говоришь, то надо бы повторить. А то обидно, что я все время пьяная была и не помню ничего. Много на меня тогда воды ушло?

– Да нет, нормально, как полагается. Кто ж воду считает? – снисходительно улыбнулся в телефон Илюха. – Так чего, ты ко мне приедешь или я к тебе?

– Приезжай лучше ты. Давай завтра, – пригласила Аня, а потом опять задумалась: – Только я тебя почти не помню совсем.

– Это даже хорошо, – согласился Илюха. – Как будто все заново будет, в первый раз, все сначала. Так мы с тобой вдвоем и обманем время. Представляешь, никому не удавалось, а мы обманем. И повернем его вспять.

И Аня согласилась и продиктовала адрес.

А потом, как только они закончили разговор, Илюха обернул к нам свою крайне довольную физиономию, глаза на которой просто не могли остановиться и все излучали и излучали искрящуюся люминесценцию.

– Ну как, – сказал он победоносно, – убедились? Принимаете теперь мою теорию? Вот Аня – живое ее доказательство. Не понравилось ей со мной шибко, вот и вычеркнула она меня из своей памяти. Да так, что даже вспомнить побоялась, как я ни старался ей напомнить. Она даже поначалу...

Он все говорил и говорил, Инфант все слушал и слушал, а я все смеялся и смеялся, но пока лишь про себя. Впрочем, я намеревался скоро вынести свой смех на поверхность.

– Непонятно... – в результате тяжело выдохнул Инфант и впервые за вечер приподнял на нас свои тоже тяжелые вопросительные глаза. Чтобы мы, наконец, смогли заглянуть в них, так как они, как известно, зеркало души. И мы, конечно, заглянули.

Что сказать... Разочарованная у Инфанта оказалась душа, во всяком случае, со стороны глаз. Разочарованная, опустошенная, не верящая никому и ничему. Одним словом, вполне нигилистическая душа. Можно было, конечно, попытаться разобраться в ней – но зачем?

– Непонятно, – задумался вслух Инфант, – почему она решила с тобой снова, того... завтра... еще раз... если ты был ей так противен? – Он опять задумался. – До омерзения противен... – А потом задумался еще. – До тошноты, до рвотного рефлекса, до родовых спазмов, до эпилептического удара, до...

Видимо, он долго хотел перечислять, нагнетая метафору, но Илюха его притормозил.

– Хорошо, Инфантик, – сказал он по-доброму, – не возбуждайся, вопрос твой принят. Дотерпи до ответа.

И Инфант хоть с трудом, но дотерпел.

– Ты чего не понимаешь? Это же и ежу ясно: я настолько ей не пришелся тогда, что она меня начисто из своей памяти вычеркнула, даже следа не оставила. Именно в соответствии с моей теорией. Насколько не оставила, что теперь можно заново попробовать. Или, иными словами, второй шанс у меня появился. Сечешь, как механизм этот работает?

Все задумались. Все, за исключением меня и Илюхи. Потому что Илюха вообще никогда не думал, у него все естественно вместе с дыханием выходило. А мне точно незачем было – я только следил за развитием сюжета и посмеивался про себя беспечно. А вот Инфант думал и думал и проявлял настойчивость, но, похоже, не особенно у него получалось.

– Видишь ли, Инфант, – снова поспешил ему на подмогу Илюха. – Видишь ли, как получается. Если ты женщине в первую ночь совершенно никак... ну, ни в какую... и она

страстно невзлюбила тебя за это, то, значит, она скоро о тебе вчистую забудет. А значит, у тебя появляется еще одна попытка. А потом, когда ты снова оказался ей полностью невтерпез и в тягость, – еще одна. И так оно может продолжаться долго, пока ты не понравишься ей, наконец, хотя бы немного и она в результате не запомнит тебя. Пускай лишь частично. А вот как запомнит, тогда уже все, тогда кранты, тогда шансы твои закончились. Не примет она тебя больше.

– Так что же получается? Получается, что нам выгоднее у них с ходу полный негатив вызывать? – предположил Инфант и снова погрузился в мрачные свои размышления. – Почему же мои, ну, которым я потом звоню, все еще помнят меня и не хотят больше? Вон трубку сразу бросают.

– Это потому, – чутко пояснил Илюха, – что ты не профессионально негатив вызываешь. Слишком по-любительски действуешь, на середине останавливаешься. Тебе необходимо полное отвращение вызвать, как ты сам выразился, до рвотных спазмов, чтобы на подкорку девичью воздействовать, чтобы отторгла тебя подкорка. А ты не отрабатываешь до конца, на авось надеешься. Мол, вдруг само по себе повезет. А «само по себе» с женщинами не везет. Для женщины точный расчет и правильная подготовка требуется, чтобы отрабатывать с ней по полной отвращающей программе. А ты не отрабатываешь. Вот и остаешься в женском организме, в том числе и в памяти. Не выкорчевывает тебя до конца ее организм. Плохо ты, Инфантик, стараешься, не отторгаешься ты целиком.

Инфант снова потупил свои густые ресницы и снова загрустил пуще прежнего. А Илюха победоносно окинул меня взглядом, мол, вот признай правильность моей гибкой теории. Но напрасно он меня им окидывал. Потому как ждало его теорию абсолютное фиаско. Во всяком случае, со мной.

– Б.Б., – обратился я к Б.Б., – мы с Инфантом, конечно, оценили твою затейливость и твое стремление одной задницей за двумя зайцами одновременно. Но может, ты с нами, надежными своими соратниками, будешь все же по-иному, чем со случайными и, более того, совершенно незнакомыми тебе женщинами? Может, ни к чему нас вот так же, как их, разводить на ровном месте?

Илюха лишь пожал плечами – мол, о чем ты, не понимаю я ничего. При чем ту зайцы и задница одновременно? Но я ему легко пояснил:

– Я, конечно, оценил тебя, стариканер. Можно сказать, даже восторгаюсь тобой и твоим мастерством, которое, как известно, не пропьешь. Одно удовольствие понаблюдать иногда за тобой со стороны – просто театр ни к чему становится. Вот так запросто девушку Аню, которую, похоже, ты даже не видел никогда в жизни... вот так с пол-оборота выписать... Да и не только выписать, а договориться уже с ней обо всем заранее, все определить, разметить и отпечатать... Такое, старичок, конечно, многого стоит, и я благодарен тебе за мастерский пилотаж прям на моих глазах. И Инфант тоже благодарен. За то, что в нашем присутствии ты совершенно незнакомую тебе Аню, как говорится, с наждачка на все уговорил.

– Он ее с мозжечка уговорил, – вставил Инфант, который хоть и не понял умом происходящего, но, похоже, стал пусть интуитивно, но догадываться. И от своей правильной догадки он просто светлел на глазах.

– Единственное, старикашка, что меня всерьез угнетает... – Тут я завис в воздухе укоризненной паузой. – Зачем ты нам пытаешься так же плотно, как Ане, мозги затуманить? Мы ведь не Аня, с нас тебе и взять нечего. Да и не нужно тебе от нас ничего. Зачем же тогда ты с нами так лукаво? А?! Ну-ка, давай колись, как на самом деле все приключилось? Ты вообще ее видел, Аню-то, хоть раз в жизни? Откуда ты знаешь, что она в тот вечер пьяная была? Да и где телефон ее откапал?

Другой бы на месте Илюхи смутился, что я его вот так за руку да с поличным. Но это ведь другой. А Илюха, в отличие от другого, откинулся расслабленно на диван и залился

лучистым своим смехом. Таким лучистым и заразительным, что даже у Инфанта, который снова приподнял свой взор, в этом самом взоре на место опустошенности стали выползать по кусочкам признаки уравновешенной человеческой жизни.

– А ведь и правда забавно получилось, – бесчинствовал весельем старикан БелоБородов. – Просто невероятно забавно. Давно хотел этот метод испробовать, все случая не подворачивалось. Хотя ты не прав, Розик, я Аню встречал, даже говорил с ней. Правда, недолго, всего несколько минут. Симпатичная деваха, вполне заслуживающая. Я как-то на пьянку в ноябре попал, я и тебя, старикашка, звал, но ты отказался, на занятость сослался. В общем, там много народу было, ну и она, Аня, то бишь. Я к ней подошел тогда и сказал пару фраз, но она на меня не отреагировала как следует. Даже внимания порядочного, как мне показалось, не обратила. А на следующий день мне рассказали, что она там, на этой тусовочной квартире, напилась в дупель... Что в общем-то и не важно.

Илюха окинул нас разухабистым взглядом и пустился в рассуждение:

– Понимаете, я давно разрабатывал этот механизм. А именно: механизм обиды за упущенную возможность. Когда, казалось бы, совсем близко, уже почти в руках, уже залетело внутрь, осталось только ладошки сложить... А ты взял и сам сдуру все упустил, поломал, и теперь уже не достать... Ведь всем от такого отчаянно обидно станет, особенно женщинам. И вот они-то запросто могут с головой да в омут, не раздумывая, с разбегу, лишь бы вернуть возможность и попытаться с ней еще раз. Особенно когда возможность хоть как-то соприкасается с любовью. Вот как в нашем случае.

Тут Илюха обвел нас веселым своим взглядом и продолжил:

– Ведь у Ани какие ощущения сложились? Во-первых, ощущение, что она обидно упустила что-то. Что-то крайне приятное, что уже произошло, проскользнуло рядом, но за что она, увы, ухватиться как следует не успела. Хотя откуда она знает про «приятное»? Да от меня и знает. Я, правда, на нее сослался, мол, ты, Ань, сама так неоднократно говорила. А как ей не поверить, если она не помнит ни хрена, так как пьяная была под завязку? К тому же хоть и с моих слов, но между нами один раз все уже произошло, а значит, граница прорвана, сексуальный Рубикон, так сказать, перейден. Ведь раз однажды произошло, то ничего больше не сдерживает, и почему бы не повторить? Особенно если ты сама оценила высоким баллом. Оценила, а потом сдуру упустила. Ну как тут не повторить?

– Так чего? – вдруг уставился влюбленно на Илюху Инфант. Потому что до него, похоже, наконец впервые дошло. – У тебя с ней ничего не было? Вообще ничего? Никогда?!

И если раньше можно было позавидовать жизнерадостному Илюхиному веселью, то веселью Инфанта можно было утешиться. Он грохнулся на пол и, размахивая руками и ногами, просто провалился в счастливое свое безумство. Так же, как еще недавно был провален в безумство несчастное.

– Так ты ее ни разу... – катался по полу Инфант. – И убедил, что всю ночь напролет... – Ему было тяжело дышать. – И она поверила... – Он просто задыхался от смеха и слов. – И завтра ты к ней едешь, чтобы... – И он замолчал, потому что просто не хватило больше сил.

А потом, когда отдышался, пришел в себя, обратился ко мне за помощью.

– Как, – спросил меня Инфант, – как всему этому научиться? Чтобы как он, – тут Инфант кивнул на Илюху, – вот так же из ничего, на ровном месте... Чтобы выстроить воздушный замок и поселиться в нем, и жить в нем крепко, надежно и сексуально.

– А что, – согласился я, – хорошая идея, может, тебе, Б.Б., школу открыть? Или лучше курсы повышения квалификации. С твоей-то репутацией от желающих не отобьешься. Будешь подготавливать новую гвардию свеженьких БелоБородовых. Резервный, так сказать, полк.

– Да нет, – скромно отказался Илюха, – не получится ничего. БелоБородовыми не становятся, БелоБородовыми рождаются. Ну разве каждый, хоть и прошедший подготовку,

сумеет петь, как Шаляпин? Такому не научишь. Хотя... – тут Илюха призадумался, – с точки зрения вербовки новых кадров мысль неплохая. Девушки любят курсы повышения. Особенно квалификаций. А потом к тому же: аттестация, экзаменационная комиссия, да и дипломный проект тоже...

И он начал было развивать мысль дальше. Но потом сам же ее и пресек.

– Да нет, – вздохнул он, – не получится ничего. Потому что надо будет деньги взимать, ну, за курсы, за повышение. А я взимать не могу. За это дело точно не могу. И вообще, меркантильный переход денег из рук в руки, причем в любую сторону, – разом порочит всю страсть и лишает кайфа. Не, не получится с курсами...

– А ты забесплатно, – нашел я тут же выход. Но выход оказался неудачным.

– Нет, – снова отверг его опытный экономист Белобородов, – без денег ни один бизнес не сдвинется. Не пойдут люди на бесплатные курсы. Бесплатное не заслуживает доверия у народа. Халява – она всегда халява. Не ценится она. Забесплатно вообще ничего продать нельзя. Только за денежный эквивалент.

Я не понял и хотел было возразить, но Илюха перебил:

– Не спорь со мной, у меня докторская на эту тему.

– На эту? – ошарашенно не поверил я. И Илюха меня успокоил:

– Ну, почти на эту. – Он помолчал, но недолго. – Да, не получится ничего с курсами. Но тебя, Инфантик, я консультировать берусь. Глобальное излечение не обещаю, но временное облегчение гарантирую. – Он окинул пациента сметливым взглядом. – Итак, ты чего хмурый такой, Инфантище? Что приключилось? Жизнь не задалась? Давай выкладывай, разберемся, наладим жизнь.

И Инфант приподнялся с пола и переключался обратно на диван. Он сам не знал, как ему поступать впредь – продолжать веселиться или снова забыться в расстройстве? Вот в таком промежуточном состоянии он и начал свой рассказ.

Глава 3. ЗА ТРОЕ СУТОК ДО КУЛЬМИНАЦИИ

– ...да вот, не дает мне никто, – закончил он его.

– Вообще никто? – поинтересовался я.

На что Инфант лишь вздохнул и снова впал в коматозное свое состояние.

– Ну, хоть на горизонте кто-нибудь маячит? В перспективе-то? – снова спросил я.

– Да пасу одну, – подтвердил Инфант. – Уже двадцать восемь дней. И все никак.

– Точно двадцать восемь? – переспросил цепляющийся к точным фактам Илюха.

– Точно, – подтвердил не менее щепетильный к цифрам Инфант.

– И совсем никак?

– Совсем, – подтвердил он.

– Что говорит? – набирал я информацию.

– Говорит, что слишком серьезно ко мне относится для такого.

– И действительно серьезно? – продолжал уточнять я.

– Леший ее знает, – ответил Инфант, на что Илюха, скорее для себя, отметил:

– Леший – это какой, тот, что с копытами? Ему-то откуда знать? – А потом для всех нас: – Это потому что жизнь ее не была. Благодарности за хорошую жизнь без лишений, без войны и катаклизмов в ней мало. Поэтому надо бы в ней благодарность к жизни развить, особенно к тебе, Инфант. Чтобы она каждый раз при встрече с тобой благодарность свою выражала. Потому что женщина легче всего выражает благодарность любовью.

– Как именно выражает? – спросил Инфант, с трудом подавляя возбужденное дыхание.

– Да по-разному, – уклонился Илюха, не желая, очевидно, вдаваться в детали перед Инфантом. – Итак, друзья, цель поставлена: Инфантова женщина должна быть постоянно благодарна Инфанту. Теперь решаем: за что ей быть благодарной? Быстренько сдвинули свои мозги ближе ко мне и начали объединенную мозговую атаку. Инфант, предлагай...

Но Инфант все мялся и не хотел предлагать.

– Может быть, мне ей полы в квартире отциклевать, – нашел он наконец повод для благодарности. – Я могу.

– Плохо предложил, – отмел в сторону повод Илюха. – Не засчитывается. Твои мозги, Инфантище, похоже, на атаку не нацелены.

На что-то другое они определенно нацелены, но не на атаку. Старикашечка, – перекинулся Илюха на меня, – какие идеи?

Идей у меня оказалось сразу много, и я с удовольствием был готов ими поделиться.

– Во-первых, надо из Инфанта сделать героя. Потому что к героям народ намного лучше относится.

– Это правильно, – подтвердил Илюха. – Хорошо мыслишь, не хуже меня. Мысли дальше.

– Ну чтобы он спас кого-нибудь от нависшей беды. Смело и решительно, не дрогнув ни духом, ни мускулом, желательно на глазах у населения.

– Еще правильнее, – снова одобрил Илюха.

– Проблема только: где беду взять? Особенно такую, которую Инфант сможет отвести уверенной своей рукой. Такую поди отыщи.

Мы снова все задумались, глубоко, надолго. А потом, конечно же, откопали ответ. Потому что когда надолго о чем-нибудь задумаешься, ответ находится всегда.

– Беду надо создать, – дошел первым Илюха.

– Инсценировать, – уточнил я.

И получалось так, что мы сразу оказались значительно ближе к цели в своем направленном поиске.

– Как это инсценировать? Какую беду? – задавал ненужные вопросы Инфант, которые только отвлекали.

– Ну как – какую? – все же отвлекся я. – Наводнение какое-нибудь или землетрясение, или я вот, например, мультфильм в детстве видел про пожар в тайге. Когда тайга горит. Страшная беда, особенно для лесных жителей...

– Ты это о ком? – заинтересовался лесными жителями Илюха.

– Я о зверюшках, – доходчиво пояснил я. – Антилопы и медведи с барсучками да белками мечутся, бедные, в огне, не зная, как спастись. Где водопой, чтобы вброд его перейти и унести своих малышей подальше от режущего глаза дыма? А опаленные ветки так и валяются на них сверху, так и угрожают придавить хрупкие зверюшечьи тельца. В общем, полный хаос, бардак и неразбериха.

Теперь я уже обвел взглядом комнату. Комната молчала, лишь один Инфант звучно сглатывал в себя подступающее возбуждение.

– И вот здесь бы хорошо Инфанта с брандспойтом, в пожарной каске, – предложил я спасительный выход. – А сзади хорошо бы массовку поместить вместе с Инфантовой девушкой. И все смотрят, как на него деревья огненные валяются, а он даже не отскакивает от них, а так с достоинством уклоняется и все заливаает пожар из брандспойта и заливаает. Каска съехала на затылок, лицо все в копоти и в поту, а Инфант хлещет пенной жидкостью на пожар, не жалея себя. А потом, когда пожар под его напором и напором из брандспойта отступает, он поднимает с земли маленького спасенного, но испуганного зайчонка, гладит его, успокаивает, бедненького, и передает матери зайчихе. А массовка сзади, вместе с девушкой... Как, кстати, девушку зовут?

– Наталья, – подсказал Инфант.

– А массовка с Натальей во главе улыбается и вытирает умильные слезы. А когда после всего начинает облегченно расходиться, Инфантова девушка из благодарности позволяет Инфанту прямо здесь, на земле опаленной тайги, абсолютно все. Вседозволенно и без ограничений. Потому что таежным героям особая благодарность полагается. – Я снова оглядел аудиторию и осведомился у нее: – Ну как?

Инфанту и не требовалось отвечать, он весь просто пылал от восторга. А вот Илюха не пылал.

– Ты, Розик, конечно, парень образный, – отвалил он мне полновесный комплемент. – Тебе бы на «Мосфильме» работать, туда таких даже без блата принимают. Но проблема, старикашка, с твоим сценарием. Где натуру живую взять? Ну, с тайгой – ладно, можно, например, Сокольники за тайгу выдать или Лосиноостровский парк. Но вот где мы столько зверюшек откопаем, зайчиков, барсучков, медведей? Да и палить Сокольники жалко, я люблю Сокольники.

– Зверей в зоопарке можно одолжить, – предположил я. – Небось не очень дорого обойдется. Но палить парки действительно жалко. У меня у самого с ними много разных приятных воспоминаний связано.

– Да... – вздохнул Инфант, и мы все снова замолчали, задумавшись.

– О, я придумал! – вскинулся первым Илюха. – Хорошо, чтобы Инфант спасал не зайчат и бельчат, а саму девушку. Как ее звать, ты говоришь?

– Натальей, – напомнил Инфант.

– Вот именно, девушку Наталью. Чтобы она не на толстой шкуре невинных животных, а на своей собственной тоненькой шкурке почувствовала роковую опасность. Да и благодарность за собственное спасение будет значительно более искренней, чем благодарность за спасение зайки.

– Это правильно, – согласился я.

Мы вообще, как ни странно, непривычно много соглашались друг с другом. Вот что значит общая цель и позитивное коллективное мышление.

– Может, ее в середину горящей тайги засунуть? – робко предложил Инфант. – Тогда и зоопарк не потребуется, на зверях сэкономить можно.

Он тоже начал входить во вкус. Видать, и у него прорезалась неожиданная изобретательность. Так как положительные творческие примеры на удивление заразительны.

– Можно, конечно, – согласились мы с Илюхой. – Только вдруг ты до середины горящей тайги добраться со своим брандспойтом вовремя не успеешь? Там ведь шланг тяжелый за собой ташить надо. Так ты вообще без девушки можешь остаться, и никто не сможет тебе благодарность выразить. Да и потом, тайгу все равно жалко. В смысле, Сокольники.

Но Инфант, похоже, все входил во вкус и входил, и фантазии его наслаивались одна на другую.

– Можно вместо тайги ее квартиру подпалить, – предложил он смело, по-новаторски.

– Неплохо, – похвалил я Инфанта. – Она там мечется в окне среди языков пламени, среди дыма и гари. Желательно в белом легком платье с большим вырезом на груди. Свешивается она этим вырезом из окна, руки белые гибкие тянет, волосы длинные, светлые на щеки наезжают... У нее волосы длинные, светлые?... – обратился я за уточнением.

– Нет, темные, короткие, – уточнил Инфант.

– Ничего, придется нарастить и перекрасить. Так вот, она, девушка твоя, как, говоришь, ее зовут?

– Наталья, – напомнил Инфант.

– Так вот, она мечется, Наталья твоя, штукатурка начинает от жара отлетать от потолка и падать совсем близко. Еще немного – и накроет. Мебель от жара трещит и корежится вспухнувшим лаком. Да еще запах этот удушливый от кухонного пластикового гарнитура... А тут ты, Инфант, снова в пожарной каске и снова с брандспойтом в окно вваливаешься. Сначала тушишь пожар, с пластиком на кухне разбираешься, а потом ее, девушку твою, которая почти без сознания уже, поднимаешь на руки. Но так, чтобы обязательно подол задрался и заголил красивые ее босые ноги, и относишь на случайно уцелевший диван и тут же приступаешь к искусственному дыханию. И когда она тебя узнает, благодарная, тогда и отдает тебе всю себя без остатка. Как спасителю и чуткому специалисту по искусственному дыханию. Да тут без вариантов, каждая бы отдала, не только твоя девушка, как, ты говоришь, ее зовут? А народ внизу умиляется и хлопает в ладоши от счастливой развязки. Ну как?

Похоже, мои образные описания не на шутку повлияли на впечатлительного Инфанта. Особенно про искусственное дыхание. Он прямо на глазах возгорался, прежде всего лицом – щеками, лбом, ну и всем прочим, что вырисовывалось над кофейным столиком. Видимо, действительно слишком долго Наталья ему не давала. А вот Илюха не возгорался.

– Да, плачет, стариканыч, по тебе «Мосфильм», – заключил он про меня. – Но и не только «Мосфильм». Кто за пожар потом сидеть будет? Если ты готов, то в принципе я не против. Хотя по тебе, конечно, скучать буду. Ты чего, забыл? – даже стихотворение такое в детстве было. Что-то типа...

И тут Илюха напрягся и продекламировал по памяти, хотя вообще-то это ему не шло:

Ищут пожарные, ищет милиция
Парня какого-то лет двадцати.
Ищут гурьбой, но не могут найти.

«Надо же, – подумали я и Инфант, – он еще и советскую поэтическую классику наизусть знает». И мы сдвинули, как и полагается, ладоши.

– Тоже про пожар, кстати, стихотворение, – закончил декламацию Илюха. – Но тебя, Розанчик, как раз найдут в два счета, хотя ты и постарше того парня будешь. Потому что ты, старикашка, прятаться не умеешь как следует.

– Почему это меня? – не понял я. – Мне-то чего с этого пожара? Мне вообще никакого удовольствия. Все удовольствие Инфанту отходит. Я только план кампании составляю.

И мы снова задумались, потому что понятно стало, что пожар не подходит в принципе. Если он бы сам по себе приключился, естественным таким образом, тогда еще ладно. От молнии, например, или от застарелой проводки. Но пойдя дожидайся естественного пожара, а потом подстраивайся под него с каской, брандспойтом и с Инфантом.

– Землетрясение тоже, конечно, хорошо, – перечислял вслух Инфант, – но мы его сами не устроим.

– Да, – согласился я, – в природе землетрясений вообще многое непонятно. Наводнение тоже сложно. Для него сильные дожди требуются или сход лавины. Но поблизости лавин не наблюдается.

– А если ей тонуть начать, ну просто в обыкновенном, естественном водоеме. А я ее вытащу. Ну и опять же искусственное дыхание обязательно...

Видимо, именно искусственное дыхание не давало Инфанту покоя.

– Да, – согласился я, – тоже вариант. Представляете, она бьется, как лебедушка, об лед. Как Серая Шейка. У нее, Инфант, шейка, случаем, не серая? – Но на сей раз Инфант мне почему-то не ответил, и я продолжил без него: – Так вот, она бьется, рот приоткрыт в сдавленном крике, губы от воды набухшие, алые, ее купальный бикини от резких взмахов рук сбился с груди, а левая бретелька – та вообще...

Но тут вмешался Б.Бородов.

– Старикашка, – сказал он немного угрожающе, – хорош с описаниями. Красочные они у тебя, это правда, умеешь ты, доказал. Но не надо больше, потому как они непрактичные совсем. И вы, ребята, сами непрактичные. Сложно с вами толковый план выстроить. Вы все в фантазиях, в феериях своих воздушных порхаєте. Ну почему она тонуть должна? С чего ей тонуть? Или ты, Розик, будешь на дне сидеть и утягивать ее за ноги вниз, как какое-нибудь лох-несское чудовище? Так нет у нас лох-несского, у нас даже с лох-невским, как известно, частые неприятности.

– Не буду я на дне сидеть, – пробурчал я. Так как обидно мне стало: зачем он меня перебил в самом интересном месте, там, где про бретельку назревало?

И мы все снова замолчали, но теперь надолго. Потому как список естественных катаклизмов практически подошел к концу. Оставался, впрочем, список катаклизмов неестественных. И открыл его первым номером Илюха. И сразу с первого номера попал в сердцевину.

– Ты, Инфант, девушку свою, как ее, кстати, зовут?...

– Наталья, – кивнул головой Инфант.

Не знаю почему, но имя Инфантовой девушки как-то не могло удержаться в нашей коллективной с Илюхой памяти. А вот у Инфанта оно удерживалось. Также не знаю почему.

– Так вот, ты, Инфант, ее спасешь от изнасилования.

И в комнате повисла пауза. Долгая, тягучая, тяжелая. Наверное, потому что слово неприятное, процесс несимпатичный, да и неожиданно все это прозвучало. Не готовы мы с Инфантом были к изнасилованию. К пожару и к наводнению – готовы. К землетрясению даже. А вот для изнасилования – нам требовалось время. И оно прошло.

– Б.Б., – сказал я иронично, – это ты нас практичности взялся учить. Тебе самому не мешало бы подучиться. Какое изнасилование? Кто ее насиловать возьмется? Инфант с ней уже почти месяц ходит, и никто ее насиловать ни разу не пытался. Он так до старости за ней проухаживает в ожидании внешнего насилия. Где мы возьмем насильников? Откуда?

– Есть насильники, – глядя мне пронизательно в глаза, сообщил Илюха. Настолько пронизательно, что я сразу забеспокоился. – Ты назначаешься насильником номер один, а я – насильником номер два.

Что тут скажешь? Это было сильно. И все же мне требовалось время, чтобы новый сценарий обмозговать.

– Ну, в общем-то я могу, конечно, – предположил я. – Но вот в тебе, Б.Б., насильник не очень просматривается, особенно по внешним твоим данным. Не вижу я в тебе насильника, да и другие не увидят. Не вызываешь ты у постороннего наблюдателя чувство опасности, и на лице у тебя совсем про другое написано. Постоянное вожеление к женским прелестям... – я пригляделся, – это есть, это читается легко. Но вот патологическая тяга к физическим методам воздействия... – я еще раз пригляделся, – нет, не видна. И люди могут тебе не поверить. К тому же и по возрасту ты уже, извини, вышел из банальных уличных насильников. А те, кто в молодости грубыми насильниками были, к зрелости в солидных извращенцев обычно эволюционируют. Но извращенцы – это уже совсем другая тема. Так что неправдоподобный из тебя насильник выходит. Не насильник, а одна насмешка!

– Про людей не знаю, но Инфантова девушка запросто в меня поверит, – продолжал настаивать Илюха. – Как мы Инфанта забьем до полусмерти, так она чему угодно поверит. У страха глаза, сам знаешь, как блюдца. Она... как, Инфант, ты говоришь, ее зовут?...

Но Инфант не стал отвечать на вопрос.

– Как это – «меня забьем»? – искренне удивился он. Хотя я, например, сразу догадался.

– Ну вообще-то, стариканыч, – обратился ко мне Б.Бородов, – это твоя стезя. Кто из нас сочинитель? Давай фигачь, разрабатывай детали. Теперь можешь красочно, на полную катушку, не сдерживая мазка.

И я засучил рукава и взялся за дело.

– Значит, так, – взялся я. – Уединенное место, рядом никого, пустынно. Ночной пляж, например. Хотя где тут пляж взять? Нет, лучше лес или парк.

– Сокольники, – подсказал Илюха.

– А хоть бы и они, – согласился я. – Но удаленное от прохожих, глухое место.

– Там, кстати, таких полно, я не раз проверял, – снова встрял Б.Б.

– Итак. – Я сдержался и не обратил внимания на то, что меня постоянно перебивают. Постарался не обратить. – Середина дня, но ближе к вечеру. Небольшая полянка, вокруг нее березки. Бабочки порхают между ромашками, божьи коровки стрекочут, кузнечики с травинки на травинку сигают почем зря, муравьишки пробивают в черноземе новые тропы. В общем, вся эта мелкая лесная тварь, которая обычно кусается и за шиворот лезет... Одним словом, романтика и идиллия в полном масштабе.

Я подождал, пока присутствующие представят масштаб идиллии.

– А вот и Инфант, – ввел я одним штрихом героев, – который прижимает свою девушку к стволу белокурой березы. Видимо, для упора. Чтобы скоро самому прижаться к девушке. Она в летнем платье с глубоким вырезом пониже шеи, подол развеивается от порыва летнего бриза, беззастенчиво открывая нижнюю часть ее стройных ног. Светлые волнистые волосы спадают ей на лицо. Алые губы приоткрыты в ожидании...

– Волосы у нее темные, – попытался встрять Инфант, но его уже никто не слушал. Слушали только меня.

– ...Инфант находит ее губы своими и прижимается к девушке еще плотнее. Раздается легкий стон. Наверное, березы, на которую они вдвоем сильно напирают. Руки Инфанта не стесняются в выборе частей тела. Все, что попадает, все на пользу, все идет в дело. Девушка начинает трепетать. Да оно и понятно: романтика вокруг, бабочки, повторяю, порхают, жучки, паучки, в общем, вся эта... – я развел руками, охватывая все разом, – ...хренота. Мизансцена, одним словом. Все настраивает, вдохновляет к любви, да и сам Инфант, вот он

здесь, рядом, бери – не хочу. Но она не берет, не хочет! Как ее зовут?... Ну да ладно. Не хочет она, и все! Хотя Инфант и предлагает.

«Может быть, давай... – заглядывает ей в глаза Инфант. – Давай, ну что тебе стоит? Посмотри, какая мягкая трава-мурава под нами».

«Не могу, – отвечает она, тяжело дыша в лицо Инфанта. – Слишком серьезно к тебе отношусь. Мне надо быть уверенной в нас обоих».

«А если хоть как-нибудь, хоть что-нибудь?... – предлагает готовый к компромиссу Инфант. – Что-нибудь, что не требует полной уверенности в нас обоих. Лишь частичной требует. А частичную уверенность я все-таки должен у тебя вызывать, все-таки целый месяц уже вот так с тобой... Давай, ну что мы, не найдем путей, что ли? Если вон даже муравьишки в черноземе...»

«Нет, не могу, – отказывается девушка еще раз. – Я цельная, я не размениваюсь по мелочам. Я не останавливаюсь на полдороге. Да и слишком серьезная я по отношению к тебе. И должна быть уверенной».

И Инфант снова приникает губами к ее губам, раз большее недоступно, и снова выискивает руками по максимуму, и снова раздается стон, и снова непонятно, откуда он взялся. И так оно продолжается и, завихряясь, уходит в вечность...

Я перевел дыхание, оглядел собравшихся и спросил:

– Ну, как оно, нормально?

– Хорошо, хорошо. Про завихренную вечность непонятно, конечно, но это не важно. Давай раскручивай дальше, – подбодрил меня Илюха. А вот Инфант не подбодрил.

Он только звучно сглатывал что-то у себя во рту и тяжело, натужно дышал. Потому как, догадался я, он уже не здесь, а там, в лесу, у березы, с девушкой своей в легком платье с глубоким вырезом и с длинными светлыми волосами.

«Ну и пусть будет там, если ему там лучше», – подумал я по-доброму.

– Ну вот, – продолжал я, ободренный собравшимися. – И тут эту лесную идиллию, это многоголосье певчих птиц, это шуршание плотной листвы, этот порыв летнего, легкого ветерка – всю эту, одним словом, туфту... обрывают вульгарные, хамские и подозрительно нетрезвые мужские голоса. Которые наперекор идиллии и щебетанию, ну и прочему орут по-наглому уличную, дворовую песню. Что-то типа:

Вот новый поворот,
Что он принесет —
Пропасть или сброд...

– и так далее.

Короче, эти пьяные голоса с пьяной своей песней не предвещают двум нашим лирическим любовникам никакой лирики.

«А!!!.. – трепетнее прежнего прижимается к Инфанту девушка и пуще прежнего бьется об него мелкой, раскатистой дрожью. – Хулиганы, – говорит она торопливым шепотом. – Мне страшно. Давай уйдем».

А солнце уже подобралось к своему закату, и в лесу повеяло вечерней зябкой прохладой, и еще туманными призраками ночной природы, и еще отсутствием милиционеров, физкультурников, егерей и вообще отсутствием кого-либо, кто мог бы вмешаться и воспрепятствовать. В общем, не по нежным девушкиным нервам сделалось в лесу.

«Да нет, – отвечает девушке ее верный Инфант, – лучше мы здесь под сенью этой березки сбережемся. Авось они нас не заметят, пройдут мимо и уберутся восвояси. И вообще, – надвигает он на нее уверенно, – тебе со мной нечего бояться. Со мной они тебе ничего не сделают».

И девушка сразу начинает бояться меньше. То есть она все еще стучится дрожью об Инфанта, но теперь значительно мельче, и вообще непонятно, по какой именно причине. Потому что девушки обычно имеют глупость полагаться на своих кавалеров. В разных вопросах, но прежде всего в вопросах местного хулиганья.

– Вот это хорошо, – отозвался Илюха. – Особенно этот поворот про то, что ей нечего бояться. Потому как если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно непременно должно выстрелить.

– А? Чего? – очнулся от слова «выстрелить» погрязший в мечтаниях Инфант. – У меня еще и ружье будет? Хотелось бы двустволку, чтобы обоих насильников одним залпом. Потому что когда они начнут меня... – и он пустился в ненужные словопрения, так как с детства не заладилось у него с отечественной классикой и он мало что знал про «ружье на стене» в первом и последнем акте. Он вообще мало что знал про акты, тем более театральные. Потому что был он неудачно образован, этот Инфант, особенно в драматургической области. Ну и во всех других примыкающих к ней областях.

– Так вот, – нисколько не отвлекся я, – девушка дрожит меньше, а хулиганские голоса раздаются все громче. То есть по всем приметам движутся подвыпившие хулиганы прямо к той самой полянке, на которой страстно расположились влюбленные. Как будто у хулиганов какой-то специальный нюх на этих влюбленных выработан. Или же они какой-нибудь аппарат используют, чутко улавливающий наэлектризованное сверх меры поле, распространяемое сексуально возбужденным Инфантом. Да и девушкой распространяемое тоже. Что-то вроде миноискателя. То есть просто-напросто безошибочно они направление выбирают.

«Бежим, бежим скорее», – шепчет нежная девушка.

А песня про поворот раздается все ближе и все агрессивнее.

«Да нет, затаимся лучше», – прижимает ее плотнее к березке Инфант.

И тут два хулигана в обнимочку, такой абсолютно хулиганской походкой вваливаются на поляну. И оба влюбленных, увидев их, наконец, воочию, по одному их виду понимают – хулиганы. А девушка еще и понимает – насильники.

Тут я посмотрел на одного из предстоящих хулиганов, сидящего здесь же, напротив, и балдеющего вполне от моего изобразительного описания. Плохой из него выходил хулиган, ненатуральный, неестественный. Такой и ребенка, ночью забредшего на заброшенное кладбище, напугать не сможет, не то что взрослую девушку в приличном московском парке.

– Б.Б., – предложил я Илюхе, – тебе все же надо как-то преобразиться. В смысле внешность поменять. Огрубеть, что ли, повадки другие освоить – более жесткие, развязные. Иначе не быть тебе преуспевающим насильником. Ты сам в свободное время подумай об этом.

И Илюха согласно кивнул, понимая.

– Может, ему шрам через всю щеку засадить? Свежий? – предложил не в меру возбужденный Инфант, но не нашел среди нас отклика.

– Ну, ну, давай продолжай, – поторопил меня Илюха. – Здорово у тебя, стариканер, все же получается, гладко и образно. Вот учись, Инфант, у товарища, смотри, каким мастер своего дела должен быть. Не то что ты! Тебе лишь бы в живого человека чем-нибудь засадить. В девушку не получается, так в меня хочет. Шрам, говорит, свежий. Надо же, придумал. Ну ладно, давай, Розик, плети узор повествований, двигай пьесу к зениту.

– Ну а дальше, – продолжил я, – завязывается между ними диалог, ну между влюбленными и хулиганами. Хулиганы некрасиво ерничают, издеваются, пошлостями всякими грубят и намеками откровенными девушку запугивают. Может быть, даже ненормативная лексика где-нибудь проскользнет. Но над ней мне особенно тщательно поработать придется, когда я буду текст диалогов составлять, над каждой ненормативной фразой в отдельности.

Потому что ненорматив, чтобы он искренний и смачный вышел, – это особый и очень тонкий труд. С ним легко на фальшь сбиться.

Я засомневался на секунду: а смогу ли? Не взялся ли за непосильную задачу? Хватит ли дарования? И сам себе ответил – хватит! А значит, отбросил сомнения и вернулся к «сцене на полянке».

– Инфант же хулиганов нисколько не боится и дерзко им противостоит, смело выпирая грудь и защищая таким образом честь своей возлюбленной. Девушка молчит, как пойманный в ловушку партизан, она вообще с большим удовольствием дала бы давно деру, но Инфант ее придерживает руками, чтобы не сдвигалась далеко в сторону. В общем, – объяснил я участникам драмы еще раз, – диалоги я потом распишу по ролям и предоставлю заранее, чтобы все подучили немного. Ну а потом, когда переговоры срываются и приводят абсолютно ни к чему, хулиганы подступают полукругом и начинается физическое измывательство над Инфантом. Иными словами, сплошное массивное избиение.

– Вот это хорошо, – согласился Илюха. – Это грамотно, про измывательство, давно пора поизмываться над ним вволю.

А вот Инфанту идея не понравилась. Он тут же встрепенулся, эмоционально возражая:

– Как избиение? Как это массивное? Зачем? Для чего? Не надо избиения! Ведь мы девушку собирались насиловать, не меня же.

– Можно и тебя заодно, – произнес себе под нос Илюха, но не злобно произнес. Скорее по-дружески, с доброй назидательной усмешкой.

– Да ладно, все путем, Инфантище, не дрейфь, – перешел я на хулиганский жаргончик. Потому что привык в роль вживаться заранее и наверняка. – Кончай менживаться. Матрос ребенка не обидит.

Но Инфант менживаться не кончил.

– Каким таким путем? – заявил он крайне скептически. – А кто про массивное избиение упоминал?

– В театр тебе надо бы сходить, Инфантик. Хотя бы раз. Ну ладно театр. Ты кино смотрел? Видел там драки и смертоубийство? Так вот я тебе сейчас секрет приоткрою. – Я выдержал небольшую паузу. – Актеры до сих пор живы и во время съемок совсем не пострадали. Одну сплошную симуляцию ты на экране наблюдал, полное дураченье наивной публики. Вот и мы так же с твоей девушкой поступим. Мы только сделаем вид, что тебя бьем, а на самом деле ты и не почувствуешь ничего. Плохого, во всяком случае.

– Ну, не знаю. Я бы так опрометчиво не обещал, – снова пробурчал под себя Б.Б.

А Инфант молчал и обдумывал.

– Так что, – вдруг осенило его, – вы и Наталью насиловать не будете?

– Почему же, почему же... – снова пробубнил Илюха, но я его заглушил.

– Ты чего, Инфантик? – не поверил я. – Тебе, похоже, не только твоя девушка не дает, тебе вообще мало что в жизни само добровольно дается. А если ты и добираться до чего-то, то только после длительного, тяжелого, изнуряющего труда. Зачем нам ее насиловать? Нам и так хватает. Мы ведь все это для тебя устраиваем, забыл, что ли?

– А... – протянул удовлетворенно Инфант, и мой план сразу стал вызывать у него значительно больше доверия.

– Короче, общая диспозиция такая. Мы Инфанта якобы избиваем, но так, что девушка о «якобы» ничего не подозревает. А наоборот, в ее помраченном сознании все выглядит до ужаса серьезно. В результате Инфант падает обессиленный на колкий лесной настил, а мы тут же переориентируемся на девушку. Как ее имя-то? Ну да ладно. Так вот, начинаем ее недвусмысленно помогать, за руки дергать, предложения грязные ей делать, ну, может, схватим разок для пущей убедительности за что-нибудь округлое. То есть мы всем своим рукоприкладством демонстрируем свою неприкрытую сексуальную агрессивность. И может

быть, мы ее и проявили бы, агрессивность эту, – тут я обвел внимательным взглядом участников и остановился на одном из них, – но ошибка наша, Б.Б., в том, что мы начисто позабыли о мужественном Инфанте.

И я снова обвел окружающих выжидательным взглядом.

– Нам-то казалось, что он бесчувственно лежит на мягком лесном настиле, но, оказывается, мы ошиблись. Недоценили мы его. Оказывается, он не бесчувственно лежит, а наоборот – вполне чувственно лежит. Да и то недолго. Видишь ли, Б.Б., дело в том, что мы, увлеченные своей сексуальной агрессией, не замечаем, как приподнимает Инфант свою избитую, но не сломленную голову, как вглядывается он мутными зрачками в начинающийся сгущаться сумрак. И там, в сумраке, размытые контуры трех фигур начинают постепенно проясняться, и видит Инфант одну напуганную девушку и двух откровенных насильников. А когда приглядывается, понимает, что это его собственная девушка, та самая, которая так долго ему не давала. И вот сейчас, прямо на его глазах, она может стать легкой сексуальной добычей двух не заслуживших ее халявщиков. Ну кто от такого не разъярится? Особенно если сам до этого безрезультатно ухаживал за ней целый месяц? И все воздерживался и воздерживался, как теперь выясняется, совершенно напрасно. Вот и обычно уравновешенный Инфант, завидев такую жгучую несправедливость, не на шутку разъярился. И дал волю своей ничем не сдерживаемой ярости. И как выяснилось, Б.Б., разъяренный Инфант – это страшная история не только для женщин.

– Это точно, – закивал Илюха, соглашаясь.

– Короче, лихо подлетает он к нам, как будто не били и не колотили мы его до этого наотмашь, и точными, натренированными ударами рук повергает нас наземь и продолжает добивать тупыми носками своих мягких ботинок. Ты смотри, Инфант, мягкие ботинки не забудь надеть, с обязательно тупыми носками. А то я знаю тебя, ты вполне можешь не рассчитывать ярости удара.

– Вот здесь, – не согласился Илюха, – ты, товарищ сценарист, немного погорячился. И переборщил. Чего-то очень громоздко у тебя получилось, перемудрил ты с тем, как он нас бить будет. При чем тут ботинки и зачем вообще нас добивать? Руками вполне достаточно будет. И не надо нам повергаться наземь, нам куда проще в чащу леса ретироваться на заранее подготовленные позиции. Потому что насильники – они вообще трусливые в душе, и если им сопротивление оказывают, они не бьются до последнего издыхания, а пытаются тут же малодушно убежать. Так что давай не извращать давно разработанный и отточенный образ.

– Старикашка, – пригрозил я, – не вмешивайся в производственный процесс. Расплескаешь. Хотя про бегство – это разумно, бегство усиливает действие, добавляет «экшен», как сейчас говорят в кинематографе. Да и на девушку улепетывающее в панике хулиганье произведет куда как более сильное впечатление, чем примитивное избитое хулиганье. Так что, Инфант, Б.Б. прав, можешь любые ботинки надевать, мы падать наземь не будем, мы лучше убежим по-быстрому.

– Вот так хорошо, так правильно, – согласился со мной Илюха и расслабленно откинулся на кресло.

– Ну вот, Инфантище, – продолжил я, – в результате ты, побитый и поцарапанный, а мы тебя обязательно поцарапаем немного для достоверности, спасаешь несчастную, уже наполовину сломленную и приготовившуюся к насилию девушку, как бы ее ни звали. И сразу в ее глазах ты становишься беспрекословным громовержцем, полноценным героем и несравненным победителем в неравном бою. А девушки, поверь мне на слово, громовержцам практически никогда не отказывают. Вот и она не сможет тебе не дать после такого. К тому же как ей иначе благодарность свою выказать, когда она на предельном эмоциональном взводе находится, не успокоившаяся еще от только что перенесенного возбуждения. Ведь лучшая

благодарность за избавление от насильственного секса – это добровольный секс с самим избавителем. Который к тому же уже ухаживал честно целых двадцать восемь дней и отработал по самой полной программе. Так что тут без вариантов – она обязательно тебе, Инфант, даст, прямо здесь же, на мягкой травке, согретой каплями нашей с Б.Бородовым крови.

– Не надо крови, – опять напрягся Б.Бородов, но я промолчал. Ну что сделать, если он в сценических спецэффектах ничего не понимает?

– Ну как планчик? – поинтересовался я, когда все перевели дух.

– Ну что, стариканер, – первым отозвался Илюха, потому что ошеломленный Инфант пока был лишь способен на то, чтобы молча отмаргивать от себя глазами воздух. Их взгляд уже, казалось, устремился в недалекое будущее, где ему гарантировано было место громовержца, героя, обладателя, ну и всего остального, что ему тут наобещали. – Ну что, – повторил Илюха, – если честно, то впечатляет. Здорово ты все по местам расставил, красиво. Ну действительно, кто после такого откажет спасителю-то? Да любой последнее отдаст. Хотя здесь, – прикинул Илюха разумно, – в вопросе сексуальной благодарности, последнего как бы и не бывает. Молодец, Розик, работает в тебе творческая жилка. Процует, если на польский перевести.

Тут и Инфант вышел из своих коматозных мечтаний и тоже подключился к беседе.

– Я только одного не понял, – произнес он со свежей волной любознательности. – Что же с ружьем делать? Мне что, совсем из него не стрелять, а только прикладом вас пару раз по хребту двинуть? Или все-таки пальнуть для остратки?

– Для остратки кого? – задал обеспокоенный вопрос Илюха, ловя при этом мой многозначительный взгляд и пожимая в ответ недоуменно плечами.

Вот так мы сначала с Илюхой попереглядывались, а потом зачарованно заглянули Инфанту в глубину его лица, внимательно осматривая самые отдаленные места. Нам все же стало интересно: притворяется он так искусно или на самом деле умеет естественно отрываться от реального мира, как не каждому дано? Чудит ли он умышленно, как порой с ним бывает, или неподдельно естественен?

Мы заглядывали, осматривали и так и не смогли понять. Видимо, там, внутри, у Инфанта все так перепуталось и сбилось в клубок, что без специальных приборов было не разобраться.

– Да... – пришел я к выводу после осмотра, – без репетиции никак. А то он тут такого наимпровизирует... так пальнет... так всех нас отстра-щает до неузнаваемости... Да и какой нормальный спектакль без репетиций?

– Это правильно, – согласился Илюха, все еще подозрительно косясь на Инфанта. – К тому же вот ты, например, говорил, полянка... А какая полянка, какая березка? Надо ведь их выбрать. И главное, вот этому, – он указал глазами на «вот этого», – надо каждый шаг и каждое движение выверить, чтобы он ни шагу в сторону, ни лишнего взмаха рукой. А если все же шагнет в сторону, то стреляем без предупреждения.

– Так чего, – снова попытался уточнить Инфант, – стрелять все-таки будем? У меня одностволка где-то на антресолях валяется, от деда-большевика сохранилась.

Илюха посмотрел на меня в недоумении и выразил словами то, о чем каждый из нас только что думал.

– Ты с ним дольше знаком, – обратился Илюха ко мне за советом. – Он чего, действительно такой или все-таки притворяется так искусно?

И я снова задумался. Конечно, не исключено было, что он притворялся, этот Инфант, подыгрывал, так сказать, с детства выбранному образу. И вообще, он любил иногда своеобразно почудить. Незаметно, едва-едва, так, чтобы ненатренированному взгляду его чудачество сложно было отличить от реальной жизни.

Хотя, если разобраться, кто из царствующих особ не чудит, особенно когда с подданными своими? А Инфант-то, кстати, был самых что ни на есть королевских кровей.

Глава 4. ЗА ДВОЕ СУТОК И ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДО КУЛЬМИНАЦИИ

Вот теперь, похоже, настало время мне объяснить про Инфанта и рассказать про него всю правду. Какая бы она ни была. А то ведь действительно непонятно, почему именно зовется он «Инфант», как могли родители его таким именем наречь. К тому же давно обещал рассказать, еще в предыдущей истории (читай «Почти замужнюю женщину к середине ночи»).

Итак, жило-было где-то в Средние века государство Лифляндия. Государство не государство, но герцогство было точно. Где, как и в каждом порядочном герцогстве, был герцог, который им и заправлял, и назывался по-ихнему, по-лифляндски, вроде как курфюрст или что-то в этом роде. Был он наверняка герцогом вполне католическим, а может, протестантским, а скорее всего лютеранским, что за занавесью веков перестало быть существенным.

Но любой мой рассказ независимо от рассматриваемого века и изучаемой страны, так или иначе, напрямую или побочно, всегда соприкасается с любовью. Вот и здесь не сделал я исключения. Да что там я – сама жизнь не сделала: и здесь замесила она коварницу-любовь.

Проживала в том лифляндском курфюрстовстве некая приезжая селянка, красоты весьма примечательной, просто библейской, просто Суламифь, Эсфирь, Сара с Ребеккой.

Волосы рыжие, огненные, густые, колдовские, глаза на пол-лица формы вопрошающего миндаля серым цветом отблескивают. Впрочем, серый он лишь порой, а порой от смеха искрящегося голубизной в тебя ударяет. Тело гибкое, гнущееся, но женственное – знаете, такое сочетание убийственное бывает – гибкое и, кажется, хрупкое, но такое очень женственное, со всеми этими плавными переходами от покатых плеч... от бедер... Редкое такое сочетание, которое лишь на полотнах старых мастеров, как правило, итальянской и фламандской школы, встречается. Да еще в жизни иногда.

И вся она так и светится этой женственностью своей дивной, которая обещает тебе и развратную любовь наложницы, и нежную материнскую любовь, и заботливую любовь сестры. Ведь бывает такая многомерная женственность и многомерная любовь, которой нет сил и желания противостоять. Да и зачем?

Так вот, один из курфюрстов увидел нашу красавицу, и не дурак он был, даром что герцог, и понял сразу, что ни трон его, ни звания, ни мундир с эполетами, ни даже его предполагаемая белесая курфюрстка – не стоят они ничего по сравнению с любовью. И с единственной правдой счастья, которую только любовь и приносит. А поняв все это, бросил он всю эту обузу к чертовой матери и пал к ногам средневековой нашей Ребекки, и пожалела она его, и приняла.

Что она в нем нашла, это загадка, конечно: ну, подумаешь, курфюрст, мало ли их всяких – вон на Инфанта нашего хотя бы посмотри. Но так или иначе, пожалела она его, и оставил курфюрст трон и мантию, и поселились они в маленьком городке, и зажили счастливо, и народили деток.

Так с той самой поры и образовалось две ветви курфюрстов: одна – лютеранская, другая – совершенно обратная. Но те, которые из лютеранской, оказались как-то так развеяны по пространству истории – сами знаете, времена в Средние века были крутые, нестабильные, типа теперешних. И кто знает, может, пали они в честном бою от руки какого-нибудь тевтонского рыцаря, а может быть, наоборот, поотравляли друг дружку по одному в дворцовых своих интригах. Так или иначе, но факт тот, что откромсали ветвь, даже сучка не осталось.

А вот другая ветвь выжила и дожила до нашего сегодняшнего повествования, и даже, похоже, неплохо себя чувствует, если по Инфанту нашему судить.

Встретил же я Инфанта в ранней студенческой юности, когда детские, материнские черты еще доминировали в его подозрительно не сложившейся, несуразной фигуре. И поэтому, когда мы узнали его генеалогические откровения, ну, про курфюрство, его предками добровольно оставленное, как-то сразу само собой и возникло такое законное прозвище: «Инфант». Так оно за ним и осталось. И в принципе мы все давно позабыли его естественное нареченное имя, а те, кто узнал Инфанта позже, даже и не знали его. Да он и сам уже не помнил.

Впрочем, Инфант всегда вел себя скромно, на владения свои законные где-то у Балтийского моря никогда не претендовал, хотя прав у него было хоть отбавляй. Мы тем не менее не могли пропустить такой удачи и тайком от литовских бдительных органов сформировали правительство в изгнании при Инфанте. Или, как мы его конспиративно называли (кто их знал, эти органы, еще не поняли бы шутки), опекунский совет.

Там много было постов, в этом правительстве. Б.Бородов был назначен «Министром Финансов», так как, во-первых, он вообще по финансовой части специализировался, а во-вторых, у него, как правило, денег оказывалось несколько побольше, чем у нас. И он порой финансировал некоторые наши проекты. Не то чтобы очень обильно, но вполне в соответствии с запросами.

Я в том правительстве тоже присутствовал, занимая, в соответствии с французской моделью, скромный пост «Министра Внешних Сношений». И получалось, что я в ответе за всех членов кабинета и за все их внешние сношения. А значит, разработка акций по улучшению количества и качества этих сношений непосредственно входила в мои обязанности. Вот как данная операция в лесу в поддержку Инфанта.

Поэтому некоторые члены правительства, которые сами с личной своей жизнью справлялись с натяжкой, меня немного побаивались. Именно потому, что я мог, если осерчаю, им в своих услугах отказать и оставить их в будущем без необходимой для них отдушины.

Встречались в кабинете и женщины, потому что феминизация и общая политическая корректность требовали того. И вообще, симпатично, когда вокруг тебя женщины в правительстве. Вот, например, «Министр Образования» или «Министр Культуры» две очень культурные и образованные женщины, с которыми поговорить приятно, потому что всегда они оказывались в курсе всех культурных и образовательных событий. Жека, кстати, была назначена «Министром Социальных Реформ», потому что она вообще всегда и везде за реформу выступала. Особенно в социальной сфере. Кроме того, была еще одна женщина, которая... Да ладно, к чему всех женщин перечислять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.